

СНБ

СЕРВАТОПОНАЛЬСКОЙ
ДЕВУЧОНКИ

МАТЪЯНА
МИТОВА

Татьяна Титова

СНЫ Севастопольской девчонки

«Издательские решения»

Титова Т.

Сны Севастопольской девчонки / Т. Титова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502454-1

Книга совсем юной и талантливой поэтессы Татьяны Титовой «Сны Севастопольской девчонки» издана Литературным Клубом «Добро». Пусть эта книга станет началом долгой и плодотворной творческой жизни Татьяны.

ISBN 978-5-00-502454-1

© Титова Т.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Обо мне	7
Поэма «Тридцать пятая береговая батарея»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сны Севастопольской девчонки

Татьяна Титова

Редактура и вёрстка Александр Новиков

© Татьяна Титова, 2019

ISBN 978-5-0050-2454-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогие друзья.

Перед Вами моя первая книга. Разумеется, не прочитанная, а написанная. Честно говоря, я не думала ее издавать так как критически отношусь к своему хобби – графомании.

О себе можно писать часами, писать и зачеркивать, писать и зачеркивать, ибо каждый человек эгоистичен по своей природе, а взрослеющий подросток к тому же переполнен жаждой борьбы за место под солнцем, гипертрофированной манией собственной значимости, придавлен комплексом недопонимания со стороны окружающих. А если добавить еще и период гормональной перестройки, о чем нам в гимназии твердят уже года два, а мы умело маскируем под них наши истерики, то получится взрывная смесь страшная по своим последствиям прежде всего для самого подростка.

Вот написала... зачеркнула, снова написала...

Родилась в 2006 году в городе Севастополе. На момент опубликования книги мне уже целых тринадцать лет.

Место жительства не меняла с рождения. Страну поменяла. РОДИНУ – НЕТ. Учусь в билингвальной гимназии №2.

Мои родители с детства пытались и сейчас пытаются привить мне любовь к знаниям, используя разные методы. Но либо я не самый лучший материал, либо их требования завышены. И почти каждый день идет «последний и решительный» бой с домашним заданием. Пока я его побеждаю – учусь отлично, но что будет дальше... Боюсь – не сдюжу.

Очень хочу отметить тех, без кого я бы не состоялась ни как человек ни как личность. Не удивительно что свою первую книгу я посвящаю своей большой и дружной семье – своим бабушкам и дедушкам, папе и МАМЕ.

Важную роль в моем становлении как человека приняли педагоги с которыми меня одной веревкой, но на разное время связывала и связывает жизнь.

Это и моя первая учительница – Бильбок Ольга Николаевна, это и руководители секции журналистики МАН Скрипниченко Светлана Сергеевна и Бонь Тамара Николаевна, убедившие, что правильным и добрым словом можно очень много (но, наверное, все-таки меньше чем добрым словом и пистолетом), своего школьного учителя русского языка и литературы Базарову Елену Петровну.

Отдельно о трех китах моей «альма матер», тех, без кого мои мозги и моя жизнь могли пойти по-всякому может и в разброс со здравым смыслом, но пока держатся в тонусе. Это директор гимназии Шмидман Марина Геннадьевна, главная виновница того, что наша гимназия который год входит в рейтинг 500 лучших школ России. Это Руденко Ольга Владимировна, «вбивающая» в учеников любовь к истории Родины как малой, так и большой.

И конечно же ту, что два года назад «усыновила и удочерила» 30 детей, и став второй мамой, заботливой и терпеливой, строгой и ласковой, искренне переживающей за нас – Ольгу Эдуардовну Гречишникову. Наш класс был признан лучшим севастопольским классом и в этом на 50 процентов ее заслуга. Нам завидуют, в наш класс пытаются перевестись из других школ.

Увлечения: журналистика, путешествия, история. Победитель и призер отборочных туров олимпиады МГУ «Ломоносов». Мечтаю стать дипломатом.

По материнской линии – потомок Гребинки (это который «Очи черные»), по отцовской – вроде как в очень размытом родстве с Есениным. Названа в честь своей бабушки, и прабабушки.

Чувство юмора – гипертрофированное. Ценность в жизни – семья, страна, собака... («Слуга народа»).

Обо мне

Быть Человеком – тяжкий труд
Надеюсь меня многие поймут
Кто я такая и откель?
С каких краев, с каких земель?
Кто воспитал меня такой?
Слегка застенчивой, упрямой и прямой.
Что за спиной, какой скелет в шкафу?
Отвечу честно я как на духу.
Люблю родителей, люблю свою страну,
Мой милый Севастополь – и тебя люблю
Наш «Б» седьмой гимназии второй
В нем друг за друга мы горой
Учу английский с давних пор
Чтоб в МИДе дать врагам отпор
Прошу у Бога как в пустыне снега
Чтоб над Россией мирным было небо
Я многого не знаю, но ищу ответ
Не замужем – всего тринадцать лет
Лист записей с работы белоснежно чист
Родители: мать – русская, отец – юрист
Имущества, счетов – нет и в помине

Пока. Прошу запомнить мое имя.
Я знаю будет тяжело и сложно
Но даже невозможное – возможно
Я никогда не сдамся просто так, без боя
К борьбе и испытаниям готова.

Поэма «Тридцать пятая береговая батарея»

Сегодня я в тупом оцепенении,
Слез давящих не в силах удержать.
Пришла сюда в хорошем настроении,
Теперь не знаю, как все рассказать.
Как с этим послезнанием буду жить?
Ведь вечно буду с содроганием помнить,
Нельзя словами передать и оценить
Трагедию, предательство и подвиг...

На мысе где лежал когда то Херсонес
Описанный еще самим Страбоном
Не вырастет зеленый буйный лес,
Здесь каждый метр железом нашпигован!
Под ноги не смотри. Теперь здесь благодать,
Все чистенько, в бетоне и граните.
Но тыщи павших предков из небес молят
«Храните память вы о нас. Храните...»

«Линкор подземный», батарея тридцать пять,
Фашисты называли «Максим Горький»...
Я побывала. В шоке. Но приду опять
Впитать в себя инстинкт Победы стойкий.
Ты тридцать лет ждала своей войны
И показала свою силу в полной мере,
Как могут воевать российских матерей сыны
И наверху, в степи и в подземелье...

Был третий штурм. Настырный и кровавый.
Фашист умелей и гораздо опытней в войне.
Враг смелый, дерзкий, наглый и упрямый,
На наших наши танки шли – «КВ».
Трофей законный, взятый из-под Керчи,
За 20 дней там перемолот Крымский фронт,
Есть немцам чем стрелять, людей калеча,
Есть пополнение для германских рот.

У нас запас снарядов в Поти, Туапсе
Лежит брезентиком прикрытый с октября
Советский интендант он, как и все
К войне Россия не готова никогда.
Да для врага мы все здесь были «русиш»
Будь ты бульбаш, хохол, калмык.
И «schweine» будешь, если струсишь,
Предателем, коль с боя побежишь.

Представила себя сейчас среди них
В последний знойный жаркий день июня,
Среди скопления раненых, больных,
С надеждой, верой на судьбу иную.
Их заберут отсюда – рядом пристань,
Петров же здесь, Жидилов, Кулаков,
До ночи продержаться, флот он близко,
Ну а пока пора отбить врагов.

На пару километров для начала,
Чтоб выиграть время до подхода кораблей.
Не ведомо еще решение адмирала,
– Не будет он менять железо на людей...
Он был среди них, еще своих героев,
Он многих уважал и знал в лицо,
Их был доверия по праву удостоен,
А для историков он станет подлецом.
Он адмирал, он старший здесь по чину,
Он капитан, спасавший свой корабль,
Который обрекли уйти в пучину.
О чем он думал, глядя вдаль?

Но сослагательству история не внемлет.
Что было бы? И что могло бы быть?
Наверно, к счастью, имеем что имеем
И только в спорах продолжаем ныть.
Погода жаркая. Сейчас бы дождь и облака...
Напомню – шел последний день июня.
Все послезнание вон, ну а пока
Присмотримся к вокруг снующим людям.

Вот старшина- морпех, сломавши ветку,
На кончик ветошь прикрутив,
С любовью и заботой чистит «светку»,
Патронами обойму снарядив.
Она с Ижевска, он же с «Коминтерна»,
Из плоти он, железная она.
Он у нее навеки будет первым,
Она последней у него была,
У них любовь еще с одесского лимана,
Когда гоняли перепуганных румын,
Разбила сердце, покорила моремана
И навсегда осталась с ним.
На прикладе девятнадцать меток,
Умеет с гансами общаться старшина.
Побольше было б таких «светок»,
Давно б окончилась война...

Погибнет с ней в руках, внезапно.

А с ним она найдет и свой покой.
Не с девятнадцатым, а двадцать пятым
Заколотым немеющей рукой.
Снарядом мощным их накрыло,
Смешав живое- неживое в ком.
Воронка стала им одной могилой!
На месте этом нынче строят дом...

Вот санинструктор прошагала мимо,
Через плечо две сумки с крестиком внахлест.
Лекарства кончились. Лечить заботой милой,
Застиранным бинтом, микстурами из слез.
Стройна, высока, молода – ей бы на сцену-
Затмила точно бы Серову красотой,
Но с верху пот и пыль, внизу же моря пена.
Несовместимое с девичей косой,
Ее найдут в начале «нулевых»...
Среди бойцов, которых та спасала.
Взорвут паттерну, не выведя своих,
Тогда там бардака хватало.

Вот представитель власти-милиционер
Собрал вокруг коллег- энквэdistов:
Василий Бузин – и сейчас пример
Служения без всяких компромиссов.
Да, вид усталый, но горда осанка.
Глаза же выдают – который день не спавший...
По ордену Почета опознаны останки,
На семь десятков лет был без вести пропавшим...

Как много лиц... Как мало их имен
История и время сохранили.
Вас помним и на праздник помянем,
Вы больше жизни Родину любили.
Стон раненых разносится кругом,
Казалось, что сама земля стонала,
Десятки тысяч пушены на слом,
Какая армия бесславно погибала!

Есть нечего, как нечего и пить.
Снарядов – «ноль» и мины на исходе.
Эскадру ждут – «Она уже спешит,
Четырнадцать идут. Они уж на походе».
Но только здесь не Крит и не Дюнкерк
Не близкая душой Одесса-мама.
«А если не достанет мест на всех,
Тогда уйдем мы в горы к партизанам».

Держались ночь, держались еще день.

Потом по новой – день и ночь еще держались.
За каждую воронку, камень, каждый пень,
Они за честь страны своей сражались.
Но тщетно все... Нет у причала кораблей.
Прорыв на Балаклаву в крови захлебнулся.
Стрелялись комиссары в нишах галерей...
Творился ад. Бог почему то отвернулся...

Тот редкий случай, когда не было измен.
Готов был каждый к бою, и ко смерти.
Пугал бойцов один лишь только плен
Поэтому и дрались словно черти.
Ножи, дубины и саперные лопатки
В ход все пошло что было под рукой
Зубами в горло. Злой, звериной хваткой
Приморская вела последний страшный бой

Нет сил держаться за мирскую твердь?
Сломался стержень иль разум помутился
Два выбора осталось: плен и смерть
А тут уже на что ты сам сгодился.
И прыгали с обрыва в море, в камни.
С отчаяньем помянув святых
И верили они что гениальный Сталин
Впоследствии за смерть их отомстит.

Безумству храбрых пели громко песни
Ведь если есть соломинка – держись
По-всякому – жизнь смерти интересней
Хотя и сложная все ж штука – жизнь.
Но раз ты жив – еще на что-то годен
Судьба потом определит – на что и как
Сумеешь пользу принести народу
Ну а пока... пусть торжествует враг.

Их выгоняли где прикладом где штыками.
Сгоняли в кучи, превратив людей в стада.
Кто был бессилен тут же добивали.
Что жизнь плененных? Пыль и ерунда.
Отдельно комиссаров и евреев,
Их далеко нет смысла отводить —
Ближайшие окопы и траншеи
Чтоб было бесппроблемней хоронить...

Их повели. Нестройною колонной по четыре.
Растянутый на много километров строй
Обочины дорог стали могилой
Давая обессиленным и умершим покой
Голодные, безумные от жажды

Казалось сломлен, раздавлен и разбит
Прав Фридрих Прусский был сказав однажды
«Убивши русского попробуй повалить...»

Вели их долго. Пить давали.
У стадиона даже что-то дали съесть
Затем границы строя подровняли
И разрешили на часок присесть
Потом подняли, снова их погнали
По пыльным улицам с развалами домов
Где год назад и про войну не знали
Фашистов не воспринимая за врагов...

На постаменте из-под адмирала,
Великий Ленин с указующим перстом
Смотрел на них... несломленных смущая.
Наверно зная – вскоре сам пойдет на слом.
Народу уйма – оккупанты понагнали
Из полу обвалившихся землянок и хибар.
Кого смогли найти, кого не расстреляли
Сынов и дочерей Давида распознав.

Поодаль суетились корреспонденты
Приехали со всех сторон Оси
Поймать победы славные моменты
Над покоренной святостью Руси.
Снимать хотели униженных и убогих
Растерянных, раздавленных рабов...
Устало еле волочащих ноги
Похожих на столетних стариков.

«Ах. нас снимают. Что же братцы?
Последний раз идем в строю.
Покажем этим вот мерзавцем
Как любим родину свою.
Мы пленены, но не убиты.
Мы живы, значит должно с честью жить
Всем этим показать бандитам
Страну Советов невозможно покорить».

И вот над строем обреченных
Запел высокий голос молодой
«Вставай проклятьем заклеимённый
Весь мир голодных и рабов».
Строй моментально поравнялся
Пытаясь под ритм гимна «ногу взять»
Во взглядах злобно-радостных читалось
«Мы еще вспомним вашу мать».

Споткнулся журналист лощенный
И оператор энергично замахал «отбой»
«Кипит наш разум возмущенный
И смертный бой вести готов»...
По одному вытаскивая с строя,
Как коровам на нос вешают кольцо,
Протыкали губы, рот героям
Медной проволокой коверкая лицо...

На смену песни недопетой
Мычал «Варяг» неровный строй
Не зная текста большинства куплетов
Не в тон, ни в рифму в разнойбой...
То был последний их парад
Никто не плакал и не ждал пощады.
Умеет жить и умирать моряк
Плюя врагу в лицо, с бравадой.

Идешь по батарее... не спеши.
Отставь в сторонку хлопоты мирские,
Задумайся о прошлом, им дыши,
Здесь мозг прочистят запахи морские.
Смешались ароматы степных трав
С безвкусием прогретого бетона.
Здесь армия все трудности поправ
Зачислена на стены пантеона.

Зайди в него. Постой и помолчи.
Ни что от мыслей глупых так не лечит
Как звезды, замерцавшие в ночи,
Как лица, превратившиеся в свечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.